

<https://doi.org/>
<https://elibrary.ru/>
Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2Рос=Рус)6

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NonCommercial 4.0
(CC BY-NC)

СВЯЗЬ КАТЕГОРИИ «СТАРОСТЬ» И УСАДЕБНЫХ ОБРАЗОВ В РАССКАЗАХ К. Г. ПАУСТОВСКОГО 1930–1960-х гг.

© 2023. В. Г. Андреева

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского
научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>*

Аннотация. Образы усадеб, усадебной жизни в рассказах К. Г. Паустовского организуют связь героев с ушедшей эпохой расцвета Российской империи и дворянской культуры. В рассказах писателя 1930–1960-х гг. объединяются два различных впечатления: с одной стороны, отмечается уход в прошлое форм и содержания прежней усадебной жизни. И в данном случае мотив старости, связанный в рассказах с образами усадебной культуры, реализуется в значении бессилия, ненужности. С другой стороны, Паустовский показывает огромные духовные силы, которые подспудно хранит русская жизнь, изображает стариков, связующих времена и приносящих в настоящее, где торжествуют утилитарные смыслы, высокие образцы поведения и представление о первостепенности духовных ценностей. Старость и ненужность усадебной культуры в рассказах Паустовского – одновременно и жестокая действительность, и иллюзия, которую сдержанно и аккуратно разбирает автор.

Ключевые слова: усадебные образы, усадебная культура, рассказы Паустовского, старость, преемственность поколений, литературные традиции, духовные ценности.

Информация об авторе: Андреева Валерия Геннадьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: lanfra87@mail.ru

Для цитирования: Андреева В. Г. Связь категории «старость» и усадебных образов в рассказах К.Г. Паустовского 1930–1960-х гг. // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: Сб. научных статей. Вып. 2 / отв. ред. М. В. Скорородов. М.: МАКС пресс, 2023. С. 00–00. <https://doi.org/>

RELATIONSHIP OF THE CATEGORY OF “OLD AGE” AND ESTATE IMAGES IN THE STORIES OF K. G. PAUSTOVSKY IN THE 1930–1960s

© 2023. Valeria G. Andreeva

Acknowledgments. This work was supported in the IWL RAS by the Russian Science Foundation project № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Abstract. The images of estates, estate life in Paustovsky’s stories organize the connection of heroes with the bygone era of the heyday of the Russian Empire and noble culture. In the stories of the writer of the 1930–1960s two different impressions are combined: on the one hand, there is a departure into the past of the forms and content of the former estate life. And in this case, the motive of old age, associated in the stories with images of the estate culture, is realized in the meaning of impotence, uselessness. On the other hand, Paustovsky shows the enormous spiritual forces that Russian life latently stores, depicts old people connecting times and bringing them to the present, where utilitarian meanings, high patterns of behavior and the idea of the primacy of spiritual values triumph. The old age and uselessness of the manor culture in Paustovsky’s stories is both a cruel reality and an illusion, which the author restrainedly and accurately exposes.

Keywords: estate images, estate culture, Paustovsky’s stories, old age, continuity of generations, literary traditions, spiritual values.

Information about the author: Valeria G. Andreeva, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya Street, 25 a. 121069 Moscow, Russia

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: lanfra87@mail.ru

For citation: Andreeva, V.G. "Relationship of the Category of 'Old Age' and Estate Images in the Stories of K. G. Paustovsky in the 1930–1960s". *Creative Heritage of Konstantin Paustovsky in the XXI century: Collection of Scientific Articles. Vol. 2*, ed. Maxim V Skorokhodov. Moscow, MAX Press LLC Publ., 2023. pp. 00–00. (In Russ.) <https://doi.org/>

Образы усадеб, усадебной жизни в рассказах К. Г. Паустовского не являются центральными, однако при этом их можно считать одними из основополагающих, организующих связь героев рассказов с ушедшей эпохой – временами имперскими, периодом расцвета дворянской культуры.

На первый взгляд может показаться, что усадебное прошлое в рассказах Паустовского – это лишь красивое историческое воспоминание, принимающее причудливые образы прошлого и характерное не столько для реальной жизни, сколько для выставки, музея, галереи с экспонатами, являющимися артефактами прошлой эпохи. К примеру, в рассказе «Медные доски» (1932) речь идет об удивительно выполненных портретах классиков, которые для многих оказываются лишь медными досками, на которых, по словам бабы Федосьи, страшной верещуньи и стервы, «чтой-то нацарапано»¹. В рассказе «Михайловские рощи» (1936) показаны в том числе и экспонаты пушкинского заповедника. В рассказе «Телеграмма» (1946) мы видим «мемориальный» дом, находящийся под охраной областного музея [VI, 378], а в рассказе «Воронежское лето» – «маленький белый дом», который некогда принадлежал писателю А. И. Эртелю (во время действия рассказа в нем располагается небольшой дом отдыха).

---

¹ Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. Рассказы. М.: Худож. лит., 1983. С. 113. Далее при цитировании этого издания том и страница указываются в скобках после цитаты.

В рассказах Паустовского 1930–1960-х гг. дополняют друг друга два непохожих впечатления. С одной стороны, иллюстрируется ненужность прежней усадебной жизни: и ее форм, и ее содержания: «А в селе – называлось оно Заборье – не было никого, с кем бы можно было поговорить о картинах, о петербургской жизни, о том лете, когда Катерина Петровна жила с отцом в Париже и видела похороны Виктора Гюго» [VI, 378]. Жалко выглядит брошенная дочерью старушка в рассказе «Телеграмма», которая дарит девочке Манюшке за ее услуги и помощь «сморщенные перчатки, страусовые перья, стеклярусную черную шляпу» [VI, 378]. С сожалением Паустовский показывает, что героям 1930–1960-х гг. не нужны высокие образцы дворянской культуры и усадебного прошлого, оказывающиеся пережитками, не вписывающиеся в темп и ритм современной жизни. Усадебная жизнь у Паустовского почти во всех произведениях дается вкупе с мотивом старости, означающей для многих молодых персонажей бессилие и ненужность. Непонятны отдельные доживающие свой век старики и старушки, они беззаветно хранят странные и не пригодные для функционального использования вещи. Так, герой рассказа «Медные доски» Берг вспоминает свое ощущение от гравюр:

То были портреты старомодных людей, и Берг никак не мог избавиться от их взглядов. Когда он чистил ружье или писал, толпа дам и мужчин в наглухо застегнутых сюртуках, толпа семидесятых годов, смотрела на него со стен с глубоким вниманием. Берг подымал голову, встречался с глазами Полонского и Достоевского, поворачивался к ним спиной – и продолжал чистить ружье, но почему-то переставал насвистывать [VI, 112].

Неслучайно Берг перестает насвистывать. Герой интуитивно, на уровне подсознания, чувствует ту огромную силу духовного влияния, от которой не может даже предполагать. И тут вдумчивый читатель Паустовского осознает и другую сторону усадебной жизни с ее непреходящими ценностями. Почувствованную Бергом силу духовного влияния хранит подспудно русская жизнь, в то время как новая общественно-политическая программа не приемлет таких понятий как вера, праведность, духовность. Писатель показывает проблему поколения, строящего новую действительность, но в силу разных причин (политической ситуации, диктата образа жизни, суеты, внешнего характера бытия) не осознающего значимости непреходящих

ценностей. Хотя и здесь Паустовский иллюстрирует удивительные прозрения героев, соединяющих прошлое и будущее. Очень показательно в этом плане поведение комсомольца Лени Рыжова, спасающего «медные доски», раньше кузнеца Егора забирающего их у старушек со словами: «Давайте мне доски на сохранение, иначе Егор их переплавит» [VI, 113] и отправляющего их в музей. Лене Рыжову для сохранения досок приходится силой выгонять кузнеца Егора. Но примечательнее всего его речь на собрании:

«Про гравюры мы толковать не будем, – не вы, а дети ваши поймут их ценность, а остановимся на почтении к труду. Человек вышел из пастухов, десятки лет учился на черном хлебе и спитом чаю, в каждую доску столько труда вложено, бессонных ночей, мучений человеческих, таланта...» [VI, 114].

Эта речь не совсем характерна для Лени – автор в данном случае дорисовывает персонажа, наделяя его одной из своих сокровенных мыслей.

Старость и ненужность усадебной культуры в рассказах Паустовского – одновременно и жестокая действительность, и иллюзия, которую очень сдержанно и аккуратно разоблачает автор. Символическими выглядят в рассказе «Михайловские рощи» похороны, когда для отпевания старика в забытую и надолго закрытую церковь приходит «горбатый священник в рваной соломенной шляпе»:

Он осторожно прислонил к липе ореховые удочки и открыл тяжелый замок на церковных дверях. В тот день в Вороничах умер столетний старик, и его принесли отпевать. После отпевания священник снова взял свои удочки и поплелся на Сороть – ловить голавлей и плотниц [VI, 165].

Автор создает образ закрытой церкви, открываемой после долгого и продолжительного забвения только ради старика – человека из далекого, чуждого, прошлого века. Между тем, повествователь сообщает, что в этой церкви, уже очень ветхой, когда-то «Пушкин служил панихиду по Георгу Байрону» [VI, 165]. Видя священника в соломенной шляпе, плотники, занятые строительством школы, обмениваются репликами о прошлом и будущем, о влиянии священников: «Куда только их сила подевалась? – пробормотал другой плотник. – Где теперя их шелка-бархата?» [VI, 166]. Перед нами одна из внешних оценок, характерных для всей советской действительно-

сти, не приемлющей веры и религиозной жизни: не понимает или не хочет видеть плотник причин оскудения жизни священников – безверия, но именно о безверии как причине непонимания народного поэта пишет Паустовский.

Неслучайно в «Михайловских рощах» Паустовский выбирает форму рассказа-путешествия, даже своеобразного очерка, изображающего пушкинские места, их природу и жителей этих мест. Писателю необходимо было непритязательно соединить в тексте повествование о настоящем, о заповеднике на советской земле и о духе великого поэта, ощущаемом в этих местах. По мере чтения рассказа становится ясно, что у каждого из героев (автора-повествователя, хранителей музеев и парков, стариков-колхозников, внучки Анны Керн – Аглаи Пыжевской, известного художника Натана Альтмана, третий год приезжающего в Михайловское учителя географии из Череповца, наконец, у плотников) свое представление о ценности усадебного прошлого. Паустовский прямо не показывает собственное отношение к дорогой ему усадебной культуре, тесно связанной с мыслью о творчестве, авторскую позицию мы осознаем благодаря осмыслению и сопоставлению точек зрения других героев, их изображению – нередко с элементами юмора или иронии, а также благодаря голосу Пушкина, появляющемуся в художественном мире произведения.

В начале рассказа изображены пушкинские места, показано авторское трепетное и высокое отношение к ним, отмечается, что помимо повествователя мало кто из современных ему людей, в достаточном количестве попадающих в Михайловское и Тригорское, осознают глубинную духовную основу творчества поэта. Неслучайно Паустовский делает акцент на том, что слушателями строк Пушкина оказывается лишь природа: «...всюду звучали из травы, из вереска, из сухой земляники простые пушкинские строфы. Их слушали только листья, птицы да небо – бледное и застенчивое псковское небо» [VI, 161]. Проблема духовной памяти и осмысления наследия не обозначается Паустовским прямо, но передается благодаря использованию усадебной темы.

В России 1930–1960-х гг. Пушкина любят и чтут как народного поэта, но понятие «народный поэт» в представлении колхозников и самого Паустовского значительно отличается: «Все местные колхоз-

ники гордятся земляком Пушкиным и берегут заповедник не хуже, чем свои огороды и поля» [VI, 163]. С добрым юмором представляет писатель и фигуру сторожа тригорского парка Николая, который буквально «прирос» к парку в плане заботы и надзора, но исключительно внешнего, хоть и бдительного.

Связующим времена живым звеном в рассказе оказывается внучка Анны Керн, неутомимая старушка, рассказывающая повествователю о жизни и по-своему чтущая великого поэта, память своего рода и национальную память. Отдельные штрихи прошлого и настоящего раскрывают для читателя ее глубокую причастность дворянской культуре: мы узнаем, что Аглая Пыжевская была драматической актрисой, женщиной «веселой, независимой и красивой»; она хочет написать мемуары, заведует маленькой библиотекой на Каменном острове в Ленинграде. Аглая Пыжевская собирает воспоминания о Пушкине у местных крестьян, но с грустью вынуждена признать, что старики-крестьяне врут, то есть сочиняют истории о великом поэте в проекции собственной жизни. В представлении линии и истории Аглаи Пыжевской Паустовский с помощью ряда подробностей показывает, как личное связывается с культурной памятью, как собственные заботы отступают на второй план. Паустовский в изображении Пыжевской использует опыт литературной традиции рубежа XIX–XX вв. О. А. Гриневиц, рассуждая о лирике указанного периода, отмечает, что если сюжет «сосредоточен на любовании образами прошлого в усадебном пространстве, ностальгическом приятии этого прошлого, то речь идет, как правило, не о личном прошлом, а о культурной памяти, и предмет описания окутан плотным ореолом культурных ассоциаций»¹. В художественном мире рассказа именно старушка Аглая Пыжевская связывает прошлое, настоящее и будущее. Особенно хорошо это заметно в упоминании про три знаменитых сосны: автор подчеркивает свои встречи с героиней именно у этих деревьев – *сначала старых, а потом – молодых*:

Первый раз я встретил внучку Керн на сыпучем косогоре, где росли когда-то три знаменитых сосны. Их сейчас нет. Еще до революции две сосны сожгла молния, а третью спилил ночью мельник-вор из сельца

---

¹ Гриневиц О. А. Усадебная поэзия рубежа XIX–XX вв.: переход к постусадебному периоду // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 156.

Зимари. <...> Когда я встретил внучку Керн около трех недавно посаженных молоденьких сосен, она поправляла изгородь, сломанную коровой [VI, 162].

В «Михайловских рощах» есть два фрагмента, которые заставляют знающего читателя вспомнить более ранний рассказ Паустовского – «Четверо», написанный еще в 1913 г. и раскрывающий глубину и сложность отношения автора к усадебному прошлому и его идейным основам. Первый фрагмент касается упоминания о цивилизации, не всегда благотворно влияющей на человека. В «Михайловских рощах» автор замечает, что пушкинские места и их естественный природный вид, в котором не ощущается современная автору цивилизация, оберегаются на государственном уровне: «Когда понадобилось провести в заповедник электричество, то провода решили вести под землей, чтобы не ставить столбов. Столбы сразу бы разрушили пушкинское очарование этих пустынных мест» [VI, 165]. Второй фрагмент – это цитата из письма Пушкина к Осиповой: «Нельзя ли мне приобрести Савкино? Я построил бы здесь избышку, поместил бы свои книги и приезжал бы проводить несколько месяцев в кругу моих старых и бодрых друзей» [VI, 161].

Замысел Пушкина в процитированных строках повторяют герои рассказа «Четверо» – четверо молодых людей, на лето убегающие от цивилизации и городской суеты, а вместе с тем и от настоящего, в старинную дедовскую усадьбу и переживающие в этой усадьбе лучшее лето своей жизни. Представление в рассказе «Четверо» усадебной тематики позволяет осмыслить ее важнейшие аспекты и духовно-нравственные стороны, которые в более поздних после-революционных произведениях Паустовского не исчезают, но уходят в подтекст, сложно выявляются и в некоторой степени трансформируются в процессе творческой эволюции писателя и созерцания им окружающей действительности. В рассказе «Четверо» показан особый хронотоп усадебной жизни, контрастный прошлому и будущему героев. Неслучайно план проведения лета в старинной усадьбе называется молодыми людьми «планом “великого ухода”» [VI, 8]: тут появляется толстовский мотив побега от тяжелого и невыносимого обыденного существования. Паустовский представляет сложную систему соответствий и противопоставлений. Два месяца усадебной жизни по сравнению со всем лживым прошлым и настоящим стано-

вятся истинным бытием. И дело тут не только в лесах, липовом парке, вековым безмятежным спокойствием, которые дает молодым людям усадебная жизнь в глуши – дело в поиске пути совершенствования, выпрямлении согнутой души, забвении суеты, погружении в себя:

Вошла в нас жизнь глубокая и чистая, как вода у истоков, охватила светлым покоем, тихой, святой радостью. Была эта радость во всем: и в забытых часовнях, и в кроткой ромашке у дорог, и в бледном ласковом небе [VI, 9].

Разумеется, в рассказах Паустовского 1930–1960-х гг. прямо не обозначаются мысли о Боге и душе, о высоком служении людям. Но в рассказе «Четверо» два студента, гимназист и молодой художник именно через осмысление образцов прошлой жизни и высокой культуры, понимание законов бытия благодаря природе, наконец, через веру, хранимую народом (речь идет еще о начале XX в.) приходят к подобию истинной жизни. Особенно примечательны в рассказе действия повествователя, приводящие его к прозрению и очищению от условностей:

Я жил в полях. Я уходил за десятки верст к старым, екатерининским усадьбам, в большие села. Бродил по проселкам со слепцами и жадно слушал их песни. Думал о красивой жизни, что ушла из белых домов с колоннами, из дворянских заброшенных гнезд. Отстаивал долгие службы в деревенских церквях [VI, 10].

В более поздних рассказах Паустовского ставится одна из важнейших проблем, актуальных и в русской классической литературе, – проблема преемственности поколений, и с ней связаны тема усадебной культуры и образы старого, древнего. Но в рассказах 1930–1960-х гг. позиция автора тщательно завуалирована благодаря разным приемам, читатель лишь догадывается, как дорога и близка Паустовскому усадебная жизнь. А вот в рассказе «Четверо» позиция автора явлена достаточно ярко: Паустовский подчеркивает силу, которую находят представители молодого поколения через обращение к прошлому, показывает, как это прошлое становится для них самым насущным и актуальным, как дарит смысл бытия, освещающий все дальнейшее существование.

В драматическом рассказе «Телеграмма» образ старой жизни один из основополагающих, причем автор подчеркивает принципиальную разницу между миром Катерины Петровны и миром ее

дочери Насти, забывающей о настоящих ценностях в суете работы – организации выставок. В художественном мире рассказа ощущается связь усадебной темы и темы старости, заданная с самого начала: «Катерина Петровна доживала свой век в старом доме, построенном ее отцом – известным художником» [VI, 378]; далее мы видим и описание примет поздней холодной осени, старого клена, сада. «Сад сохнет – совсем уж не тот, – да я его и не вижу», – пишет Катерина Ивановна дочери [VI, 380].

Настю нравственно будит не пронзительное письмо матери, а телеграмма Тихона, как будто не доходят до слуха и разума дочери слова самого близкого ей человека, живущего в другом мире. И. Н. Коржова пишет даже о сюжетной избыточности, связанной с тем, что у Паустовского Настя получает не одно, а два известия:

Катерина Петровна посылает дочери письмо с просьбой приехать, так как чувствует: «Зиму эту я не переживу», а после приходит и телеграмма от сторожа Тихона: «Катя помирает». И хотя второе известие заставляет дочь опомниться и броситься в деревню к матери, она не успевает даже на похороны. Телеграмма не спасает обеих: мать от смерти со страшным чувством своей ненужности, дочь Настю от несмягченного последним прощанием чувства вины¹.

Однако в художественном мире рассказа телеграмма Тихона очень важна для понимания образа этого героя, который, по мнению Паустовского, наделен главными человеческими качествами и смог на всю жизнь сохранить почтение к старому художнику. Несмотря на забвение дочери, уход Катерины Петровны, так и не увидевшей Настю перед смертью, идея преемственности и уважение к предкам, старикам утверждаются в финале рассказа. Среди старух на похороны приходит молодая учительница, целующая руку мертвой Катерины Петровны. Значимы и слова Тихона, наставляющего Манюшку. «А ты смотри, дура, – сказал он сердито Манюшке, – за добро плати добром, не будь пустельгой» [VI, 387].

Т. В. Сивова справедливо отметила, что в художественной картине мира Паустовского, писателя-путешественника, чрезвычайно значима пространственная составляющая, в связи с чем изучение специфики его индивидуально-авторской перцепции и концептуа-

---

¹ Коржова И. Н. Сюжет «Извещение о скорой смерти родителя» в русской литературе XX века // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 128.

лизации границы представляется актуальным вектором исследования творчества писателя¹. Пространственная составляющая важна у Паустовского при упоминаниях об усадебном прошлом и настоящем. В рассказе «Воронежское лето» центральными являются два разговора повествователя с мальчиком Федей – разговоры не очень серьезные, но душевные, поднимающие тему человеческого предназначения. В беседе заходит вопрос о настоящем писательском мастерстве – от своей профессии автор-повествователь поворачивает диалог в сторону будущего Федеи, который отказывается уезжать из родных мест даже в Воронеж:

Я здешний. Мне тут привольно. Вырасту большой, сделаюсь председателем колхоза вместо Силантия Петровича, заведу у себя в деревне парк, цветы. Чего-чего я тут не придумаю [VI, 406].

Обратим внимание на хронотоп рассказа: перед нами одно и то же место, но в разные времена: насколько писатель загадывает в будущее, настолько примерно рассказывает и о прошлом. Пастушок Федя так же привязан к своей земле, как когда-то к ней был привязан писатель А. И. Эртель, автор «Записок Степняка» и романа «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги»: Паустовский начинает рассказ с описания истории воронежской земли, особо подчеркивая время ее усадебного расцвета.

Упоминание об еще одной усадьбе появляется в рассказе «Ильинский омут». Исследователи отмечают, что Паустовский в данном случае свободно сокращает расстояния и сближает необходимые ему топонимы:

Мысль художника, пульсирующая от своего к чужому и наоборот, определяет архитектурное строение текста. Его центр – образ Ильинского омута, совпадающий для автора-повествователя с центром мира, – «радирует» пучками взаимонаправленных ассоциаций. Так, по причине «кровного родства» рядом с Ильинским омутом – сердцем России, вопреки реальной топографии, оказывается расположенной усадьба Богимово...².

---

¹ Сивова Т. В. Граница в пространственной картине мира К. Г. Паустовского // Лингвистическая лимнология. Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы. 2019. С. 164.

² Хрящева Н. П., Сухорукова Ю. А. Образ России в природном, культурном и общественно-историческом контекстах (по рассказу К. Г. Паустовского «Ильинский омут») // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 261.

Паустовский показывает, как большой талант освящает усадебный быт, и в этом его описании вновь ощутима связь дворянской усадебной эпохи с мотивом творчества:

Далеко за этим лесом пряталась усадьба Богимово, чернел старый парк и стоял господский дом с террасой и венецианскими окнами. В этом доме одно лето жил Чехов. <...> Мисюсю уехала из этих мест навсегда, но чеховская грусть осталась [589].

От времени человеческой жизни Паустовский выходит к идее связи поколений, преемственности эпох, пусть и очень разных, он поднимается над социальной проблематикой к теме России, национального своеобразия нашей культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гриневич О. А.* Усадебная поэзия рубежа XIX–XX вв.: переход к пост-усадебному периоду // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 152–161.

2. *Коржова И. Н.* Сюжет «Извещение о скорой смерти родителя» в русской литературе XX века // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 124–136.

3. *Сивова Т. В.* Граница в пространственной картине мира К. Г. Паустовского // Лингвистическая лимология. Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы. 2019. С. 162–175.

4. *Хрящева Н. П., Сухорукова Ю. А.* Образ России в природном, культурном и общественно-историческом контекстах (по рассказу К. Г. Паустовского «Ильинский омут») // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 259–262.